

Русификация анекдота (конец XVIII - начало XIX вв.)

Мария Неклюдова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon. Ed. by L. Fleishman, A. Ospovat and F. Poljakov. Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang, 2012. С.65-80. («Русская культура в Европе», vol.8).

В *Старой записной книжке* Вяземский не раз сетует на отсутствие или на незначительное количество русских анекдотов. «Наша русская история, -- пишет он,-- к сожалению, мало анекдотична, особенно с тех пор, что хотят демократизировать историю». Или: «... у нас нет пока порядочного словаря и русских анекдотов»¹. Эти жалобы вполне традиционны. К примеру, еще в 1793 году А.И. Клушин вопрошал читателей *Санкт-Петербургского Меркурия*: «Неужли мы не имеем ни одного анекдота, образующего некоторым образом свойство нации? Конечно, есть, но оставляются без внимания»², -- и примерами подтверждал свою правоту. Засилье заимствованных, «благо- или злоприобретенны[х]» (по выражению того же Вяземского) анекдотов, с одной стороны, и нехватка национальных образцов, с другой, -- так видели культурную ситуацию наблюдатели конца XVIII – первой половины XIX века. Хотя нынешняя исследовательская оптика настроена примерно в этом же режиме, инерция изучения национальной культуры подталкивает к тому, чтобы за точку отсчета принимались именно русские модели: скажем, те дефиниции анекдота, которые можно найти у историков и лексикографов рубежа веков, в том числе у Голикова в *Анекдотах, касающихся до государя императора Петра Великого* (1796), в *Новом словотолкователе* (1803) Н. Яновского, в *Частной реторике* (1832) Н. Кошанского. Однако, несмотря на симптоматичность, они фиксируют далеко не все аспекты литературной практики, не говоря о том, что вопрос об их собственном генезисе остается открытым. Потребность в создании нормативных определений (как и их относительное разнообразие) указывает на нестабильность анекдотического жанра, еще не вполне нашедшего свое место в рамках русской словесности конца XVIII – начала XIX века. В сущности, эту ситуацию можно рассматривать как процесс выбора и освоения весьма неоднородных повествовательных моделей, ассоциированных с термином “анекдот” в европейской -- прежде всего, французской и немецкой -- культуре.

¹ Вяземский П.А. *Полное собрание сочинений в 12 т.* (С.-Петербург: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1883), Т. VIII, стр.173, 341.

² *Санкт-Петербургский Меркурий*, 1793, №1, стр.82-83.

Слово “анекдот” вошло в русский язык во второй половине XVIII столетия³. Первоначально оно встречается в переводах иноязычных текстов, где калькирует соответствующий французский или немецкий термин. Еще не вполне закреплена и сама форма слова, отсюда *Анегдоты или Достопамятнейшия историческия сокровенныя деяния Оттоманскаго двора* (1787)⁴. Дополнительным свидетельством неполной русификации термина является и то, что “анегдоты” фигурируют только в заглавии книги, в самом же тексте используются перифразы. Факт этот тем более примечателен, что во всем прочем этот перевод старого романа Мадлен де Гомес (впервые опубликованного в 1722 г.) имеет дословный характер. К примеру, в самом начале автор объясняет замысел своего произведения: «Enfin nous étendrons nos Anecdotes à leurs [ces superbes Monarques Ottomans] alliances, à celles de leur famille; à l’histoire de leurs Favoris...»⁵. Переводчик⁶ следует за оригиналом слово в слово, широко используя иноязычные заимствования, за исключением “анегдота”: «Наконец разпространим наши *повествования* до их [гордых оттоманских властителей] браков, их фамилии и истории их фаворитов (любимцов)»⁷. Еще более любопытная перифраза встречается немного дальше, когда речь снова заходит об установлении жанровых границ “анекдотов”, которые, в отличие от истории, сосредоточены на описании личной жизни монархов: «Pour ne parler que de ce qui concerne nos Anecdotes, Amurat ayant entendu parler de l’extrême beauté de la princesse de Serbie...»⁸. «Неговоря ни о чем, как только о нашей *домашней истории*, коснемся следующего происшествия. Амурат прослыхавши о чрезвычайной красоте принцессы Сербской...»⁹. Иными словами, переводчик воспринимает “анекдоты” как полисемантический термин (повествование, домашняя история), и передает его по-разному, с оглядкой на контекст.

Проблема контекста особенно существенна в случае приравнивания “anecdotes” к “домашней истории”. В предисловии к оригинальному изданию Мадлен де Гомес нашла нужным пояснить название своей книги: «...l’on sçait que par le mot Anecdotes, l’on entend l’Histoire domestique des Princes» («...известно, что под названием Анекдотов подразумевается домашняя история государей») ¹⁰. Однако в русском переводе авторское предисловие отсутствует, оно заменено на «Предуведомление от трудившегося в преложении». Можно было бы предположить, что неоднократно переиздававшийся (в

³ Первый случай его употребления датируется 1756 г. -- *Словарь русского языка XVIII века*. Вып.1 (Ленинград: Наука, 1984), стр.70.

⁴ Форма “анегдоты” по сей день существует в сербском языке.

⁵ *Anecdotes, ou Histoire secrette de la Maison Ottomane* (Amsterdam, 1722), Т.1. p.5.

⁶ П.П.Острогорский, согласно каталогу Российской государственной библиотеки.

⁷ *Анегдоты или Достопамятнейшия историческия сокровенныя деяния Оттоманскаго двора* (С.-Петербург, 1787). Т.1, стр.6. (курсив мой – М.Н.).

⁸ *Anecdotes, ou Histoire secrette de la Maison Ottomane*, Т.1. p.19.

⁹ *Анегдоты*, Т.1. стр.21. (курсив мой – М.Н.).

¹⁰ *Anecdotes, ou Histoire secrette de la Maison Ottomane* (предисловие, без пагинации).

1724, 1734 и 1740 гг.) роман Гомес попал в руки переводчика без вступительного слова. Но тот факт, что он использует выражение “домашняя история”, говорит об обратном: такое определение анекдота далеко от канонического и встречается нечасто. По-видимому, переводчик намеренно убирает авторское предисловие, но учитывает предложенную Гомес интерпретацию ключевого термина. Эта стратегия могла объясняться желанием повысить общественный статус текста, авторство которого переводчик приписывает «членам Парижской Академии наук». И, кроме того, своеобразным переосмыслением принципов аутентичности. Если Мадлен де Гомес в качестве доказательства подлинности своего повествования приводит список использованных ею исторических трудов, то русский переводчик излагает довольно запутанную историю о неких «секретных журналах относящихся к Оттоманскому двору», в 1762 году обманом полученных одним ученым французом от «Секретаря Султанского кабинета»¹¹. Этот текст в большей степени, нежели авторское предисловие, соответствует жанровым конвенциям романа XVIII века: достаточно вспомнить *Персидские письма* Монтескье, основной корпус которых составляет корреспонденция путешественников, случайно найденная публикатором на постоялом дворе. Но примечательно то, что сюжет с секретными журналами усиливает коннотации “анекдота” как “тайной истории”, как бы возвращая его к канонической для XVIII века дефиниции. Напомним, что на протяжении всего столетия французский Словарь Академии (переизд. 1718, 1740, 1762 и 1798 гг.) определял анекдот как «тайную историческую подробность, которая была пропущена или исключена предшествующими историками». Таким образом, русский переводчик не только инкорпорирует в текст авторское понимание анекдота как домашней истории¹², но и реализует (практически осюжетивает) основной семантический потенциал термина.

Столкновение перевода-транслитерации и перевода-интерпретации можно наблюдать и в случае *Originalanekdoten von Peter dem Grossen* (1785) Якоба фон Штелена. В 1786 году в Москве и Петербурге были опубликованы два разных перевода этого сочинения, один под титулом *Подлинные анекдоты Петра Великаго* (М.), другой -- *Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом* (СПб.). В первом случае переводчик¹³ просто передает немецкое “Anekdoten” как “Анекдоты”. К примеру, Штелин рассказывает о том, что замысел этого сочинения ему пришел в доме Ивана Юрьевича Трубецкого, за столом которого «...öfters sowohl von ihm selbst als von andern

¹¹ Как уже было сказано, роман Гомес вышел в свет в 1722 г.; самое позднее его переиздание, судя по всему, датируется 1740 г., т.е. указанный в тексте 1762 г. имеет отношение только к российскому контексту.

¹² Показательно, что когда Мадлен де Гомес пишет о том, что анекдоты представляют исторических персонажей в дезабилье: «Nous les regarderons dans leur deshabilité & comme à leur toilette» (*Anecdotes, ou Histoire secrète de la Maison Ottomane*, p.4), то переводчик, не входя в детали, снова актуализирует идею “домашней истории”: «Мы их рассмотрим в своих домах как бы под покрывалом...» (*Анекдоты*, стр.5-6).

¹³ Карл Рембовский.

Generalen von Peter dem Großen Anekdoten erzählt wurden»¹⁴. В московском издании этот фрагмент переведен почти дословно: у князя Трубецкого: «... часто при столе как им самим, так и прочими Генералами, были говорены Анекдоты о Петре Великом»¹⁵. Между тем как переводчик¹⁶ петербургского издания намеренно избегает термина “анекдот”, каждый раз, в зависимости от контекста, передавая его по-новому. Если в названии речь идет о “сказаниях”, то в уже процитированном отрывке – о “случаях”: «при столе [Трубецкого] часто, как от него самого, так и от других Генералов рассказываемы были разные *случаи* о Петре Великом»¹⁷. Чуть ниже, когда Штелин еще раз подчеркивает роль Трубецкого в создании книги («Von diesem Fürsten hörte ich dann gelegentlich manche Anekdote von Peter dem Großen erzählen...»¹⁸), в петербургском варианте текста “анекдоты” превращаются в “дела”: «От сего Князя слушал я иногда некоторыя *дела* Петра Великаго...»¹⁹. Далее этот термин так же передается как “известия”, “достопамятности”, “повести”, “памятники”. Иными словами, пустующее место “анекдота” оказывается пересечением нескольких смысловых полей, среди которых преобладают коннотации “сообщения” (сказание, известие, повесть), “события” (случай, дела), и, наконец, “памяти” (достопамятность, памятник).

Двойную идентификацию анекдота как особого рассказа или происшествия можно найти у большинства европейских лексикографов и историков. По-видимому, она возникла в момент вхождения греческого слова в европейские языки, условно датируемый 1623 годом, когда увидело свет билингвальное (греко-латинское) издание новообретенного труда Прокопия Кесарийского, которому его переводчик и публикатор Николо Алеманни дал двойное название *АНЕКДОТА. Arcana Historia*²⁰. Так, несмотря на справедливые возражения эрудитов, непривычный для широкой публики термин “анекдот” предстал синонимом “тайной истории”. Эта ложная этимология повлияла на практику словоупотребления, прежде всего, в усвоившем ее французском языке, где

¹⁴ *Originalanekdoten von Peter dem Großen. Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen von Jacob von Stählin* (Leipzig: Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1785), S.5.

¹⁵ *Подлинные анекдоты Петра Великаго слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге*. Изданные в свет Яковом фон Штелиным; А переведенные на российской язык Карлом Рембовским (Москва: Иждив. С. Петрова: Тип. Пономарева, 1786), стр.ii.

¹⁶ Т.П. Кирияк, согласно каталогу Российской государственной библиотеки.

¹⁷ *Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом: Изображающия истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества*. Собранныя в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелином; <Пер. с нем. яз. Т.П. Кирияк> (Санктпетербург: Тип. Б.Л. Гека, 1786), стр.ii. (курсив мой – М.Н.).

¹⁸ *Originalanekdoten von Peter dem Großen*, S.5.

¹⁹ *Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом*, стр.iii. Ср.: «От сего Князя слышал я иногда некоторыя Анекдоты о Петре Великом...» (Подлинные анекдоты Петра Великаго. С.iii). (курсив мой – М.Н.).

²⁰ *Procopii Cæsariensis V.I. ANEKДОТА. Arcana Historia, Qui est liber nonus Historiarum. Ex Bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, Latinè reddidit, Notis illustravit* (Lugduni, 1623).

“история” означает и «рассказ о достойных памяти деяниях и материях», и «разного рода особливые случаи»²¹. В качестве “тайной истории” французский “anecdote” унаследовал обе указанных коннотации, сохраняющиеся и при переходе этого термина в другие языки. Семантические колебания между словом и делом особенно ощутимы в русском контексте, где слова “anecdotes”/“Anekdoten” часто переводятся как “достопамятные сказания / деяния” (ср. *Анекдоты или Достопамятнейшия... деяния или Достопамятныя сказания и деяния изъясляющия свойство Фридриха Второго короля прусскаго* [1786]²²). Эту двузначность фиксирует и определение анекдота из *Нового словотолкователя* (1803):

Анекдот, гр. Повесть о тайном случае, достопамятное происшествие любопытное; такие деяния или происшествия, кои не были еще напечатаны. Слово сие само по себе значит дела, которыя не были еще обнаружены и при произведении которых действующие желали тайности²³.

Показательно, что приводимая Яновским дефиниция собирает практически все понятия, с помощью которых переводчики конца XVIII века передавали “anecdotes”/“Anekdoten”, тем самым подтверждая устойчивость идентификации анекдота с повестью, случаем, деянием, происшествием и пр.

Как можно видеть из приведенных примеров, независимо от того, является ли анекдот “сказанием” или “деянием”, важнейшим его свойством предстает “достопамятность”. Было бы правдоподобно предположить, что это тоже последствие присвоения “анекдотом” характеристик “истории” (ср. с определением из *Нового словотолкователя*: «История или Гистория, фр. Повествование о делах, происшествиях или вещах достопамятных публичных и частных, случившихся в свете от начала мира до сего времени; дееписание, бытописание»²⁴). Однако обращает на себя внимание тот факт, что словосочетание “достопамятные сказания / деяния” чаще всего встречается в названиях сочинений, переведенных с немецкого языка: *Достопамятныя сказания и деяния... Фридриха Второго, Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом, Достопамятныя деяния и свойства души Лудовика XVI, короля французскаго* (1793-1795)²⁵. Меж тем как в переводах с французского скорее фигурирует словосочетание “любопытные анекдоты”: *Журнал и любопытныя анекдоты, путешествия графа Фалкенштейна* (1781), *Анекдоты любопытные о любви супружеской* (1790)²⁶. Учитывая, что последнее – непосредственная калька с французского «anecdotes

²¹ *Dictionnaire de L'Académie française*. 4 Edition (1762). p.878.

²² В оригинале -- *Anekdoten und Charakterzüge aus dem Leben Friedrich des Zweiten*.

²³ *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...* Ч.1 (С.-Петербург, 1803), стр.152-153.

²⁴ Там же, стр.855.

²⁵ В оригинале -- *Anekdoten und Charakterzüge aus dem Leben Ludwigs des XVI*.

²⁶ В оригинале, соответственно: *Journal et anecdotes intéressantes du voyage de M. le Cte de Falckenstein, par l'abbé Duval-Pyrau* (Francfort et Leipsic, 1777); *Anecdotes intéressantes de l'Amour conjugal à la fin du règne de*

intéressantes», велика вероятность того, что за переводом “Anekdoten” как “достопамятных сказаний / деяний” стоит устойчивое немецкое выражение. Действительно, если посмотреть на предисловие Штелина к *Originalanekdoten von Peter dem Grossen*, то слово “Anekdoten” сочетается у него с двумя определениями, “denkwürdige” и “merkwürdige”, оба из которых русские переводчики передают словом “достопамятный”. Так, например, когда автор сокрушается, что «So merkwürdige wahre Anekdoten aus Munde so ansehnlicher Augenzeugen flüchtigen Gedächtnisse nicht entrinnen zu lassen...», то в московском издании это дает “достопамятные и истинные Анекдоты”, а в петербургском – “достопамятные и истинные известия”²⁷.

Идея “достопамятности” безусловно важна для Штелина, причем сразу в двух возможных смыслах. С одной стороны, собранные им анекдоты достойны памяти, поскольку «к славе Петра Великого написаны быть долженствовали»²⁸. С другой, они хранились в памяти свидетелей, которые «мало по малу окончили дни свои»²⁹, едва не унеся с собой в могилу драгоценные известия. Не случайно идея «спасения от забвения» даже вынесена в заголовок оригинального издания. Это ощущение ценности и, одновременно, эфемерности анекдота совершенно не свойственно французской традиции XVIII века. Контраст очевиден, если сравнить работу Штелина с аналогичными историческими проектами Вольтера -- не столько с его *Анекдотами о царе Петре Великом* (1748), которые написаны по известным материалам³⁰, сколько с *Веком Людовика XIV*. При подготовке этого труда Вольтер много занимался собиранием и обработкой устной и рукописной традиции. Так, в 1738 г. он писал аббату Дюбуа: «О частной жизни Людовика XIV я располагаю сорока томами мемуаров Данжо, из которых сделал выписок на сорок страниц. И еще всем тем, что слышал от старых придворных, слуг, вельмож и проч. <...>»³¹. Несколькими годами позже (и в связи с другим замыслом) он настойчиво просит знакомых «прислать каких-нибудь красивых героических анекдотов»³². А после выхода в свет первого издания *Века* пишет Ш.-Ж.-Ф. Эно о тех материалах, которые намеревается добавить ко второму: «Забыл вам сказать, что мной получены бумаги, писанные рукой Людовика XIV, которые отнюдь не повредят «Веку». У меня есть новые

Louis XIV <par Mlle Poulain> (Londres, 1786).

²⁷ «Чтобы не заглазить в слабой моей памяти сих, столь достопамятных и истинных Анекдотов, внемлемых из уст столь знатных свидетелей...» (*Подлинные анекдоты Петра Великого*, стр.iii); «А дабы столь достопамятные и истинные известия слышанные из уст столь знаменитых свидетелей не истребились из моей памяти...» (*Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом*, стр.iii).

²⁸ *Подлинные анекдоты Петра Великого*, стр.ii.

²⁹ *Там же*, стр.iv.

³⁰ М. Мерво, «“Анекдоты о царе Петре Великом” Вольтера: генезис, источники и жанр», *Вольтер и Россия*. Под ред. А.Д. Михайлова и А.Ф. Строева (Москва: Наследие, 1999), стр.67-78.

³¹ Voltaire. *Oeuvres historiques* (Paris: Éditions Gallimard, 1957), p.606.

³² Письмо графу Тессану от 17 июня 1745 г. См.: Voltaire. *Correspondance*. Ed. Th. Besterman. T.II (janvier 1739 – décembre 1748), (Paris, Gallimard, 1977), p.983.

анекдоты о человеке в железной маске. Я богаче, чем многие думают»³³. Как можно видеть, при собирании анекдотов Вольтера интересует их сенсационность или, по крайней мере, читательская / издательская привлекательность. Он ни разу не упоминает о необходимости сохранения этих материалов, и не апеллирует к памяти своих корреспондентов. Что касается места анекдотов внутри его исторических сочинений, то им отводится роль штрихов к портрету великого человека. Идея остаточного и, в целом, необязательного характера этого способа историописания программно сформулирована в *Веке Людовика XIV*:

Анекдоты -- сжатое поле [un champ resserré], где подбирают колосья после богатого урожая истории; это незначительные подробности, бывшие долгое время скрытыми <...>; они интересуют публику тогда, когда имеют отношение к прославленным персонажам³⁴.

Такое отношение к анекдоту отчасти объясняется тем, что основной проблемой для Вольтера была избыточность исторических данных, а не их недостаток (ср. с приведенным выше фрагментом из его письма к аббату Дюбуа). Анекдоты были ему нужны для опровержения “ложных” (с его точки зрения) исторических представлений, то есть почти исключительно в полемических целях: по замечанию Кристиана Жуо, Вольтер использовал анекдоты для разрушения иллюзии достоверности исторического повествования³⁵.

Хотя подобное обращение с анекдотом – далеко не единственно возможное для той эпохи, пример Вольтера показателен. Прежде всего, анекдот как особый тип историописания ассоциируется с избытком информации и с желанием уйти от канонического образа истории. Если посмотреть на французские “анекдоты” и “тайные истории” конца XVII – начала XVIII века, то большинство из них обращается к хорошо изученным и многократно описанным историческим периодам – греческой и римской истории или европейской истории эпохи религиозных войн. Они повествуют о тайных причинах известных событий, которые, в основном, сводятся к любовным и придворным интригам. Таков случай *Тайной истории самых знаменитых заговоров. Заговор Пацци против Медичи* (1698) Эсташа Ленобля, где излагается история о любви Джулиано Медичи к некой флорентийке, с которой он незадолго до гибели успел тайно обвенчаться (а потому Его Святейшество папа Климент VII отнюдь не был незаконнорожденным)³⁶.

³³ Письмо от 26 августа 1752 г. (Voltaire. *Correspondance*. Ed. Th. Besterman. T.III (janvier 1749 – décembre 1753) (Paris, Gallimard, 1975), p.770.

³⁴ Voltaire. *Oeuvres historiques*, 889.

³⁵ Ch. Jouhaud, «La preuve comme soupçon dans la narration historique de Voltaire», *Voltaire et le Grand Siècle*. Sous la dir. de Jean Dagen et Anne-Sophie Barrovecchio (Oxford : Voltaire Foundation, 2006), p.30 (SVEC 2006:10).

³⁶ *L'Histoire secreete des plus fameuses conspirations de la Conjuration des Pazzi contre les Medicis*. Par Mr. Le Noble (Paris, 1698), p.200.

Еще более показателен пример *Тайной истории Генриха IV, короля Кастилии* (1696) госпожи Комон де Ла Форс, в конечном счете посвященной проблеме легитимности наследницы кастильской короны, хотя на первом плане гривуазного повествования находится попытка короля скрыть свое бессилие³⁷.

Как уже было сказано, Вольтер активно эксплуатирует это свойство анекдота / тайной истории ставить под вопрос традиционную систему исторических объяснений и причинно-следственных связей. Однако идея “тайны” не вписывается в его рационалистическое и критическое (“философское”) восприятие истории, поэтому он предпочитает говорить об анекдотах не как о “тайных” (secrets), а как о “скрытых” (cachés) подробностях из жизни государей. Определенную роль в этом семантическом сдвиге могло сыграть и его положение королевского историографа (точнее, историографа королей), не предполагавшее раскрытия секретов. Ослабление позиций “histoire secrète” прогрессирует в русском контексте: по-видимому, притягательность такого рода повестей для отечественной аудитории связана не столько с идеей пересмотра устоявшихся представлений, сколько с чисто сюжетным интересом. Так, упомянутое сочинение Ленобля превращается в *Нещастную флорентинку или Тайную повесть о заговоре фамилии Пацци против фамилии Медицис* (1761)³⁸, то есть на первое место выходит жалостный характер происшествия. А в случае романа Комон де Ла Форс русский переводчик отбрасывает идею тайны и сосредотачивает внимание аудитории на похождениях незадачливого короля: *Тщетная в любви происки Генриха IV короля кастильского* (1780)³⁹. Упоминание тайны выпадает и из названия романа *Греческие анекдоты, или Приключения Аридея, брата Александра Великого*⁴⁰ (1789) (в оригинале: *Anecdotes grecques, ou Aventures secretes d’Aridée* [1731]).

Избавление русского анекдота от ореола таинственности могло иметь еще одно вероятное объяснение: недостаточный (по сравнению с Францией) уровень исторической осведомленности, при котором любая тайна растворялась в незнании. Эта осведомленность не вполне измерялась количеством производимых историографических трудов – в конце концов, в распоряжении образованного читателя было немалое число иноязычных текстов. Более надежным показателем здесь служит устная циркуляция

³⁷ *Histoire secreete de Henry IV, Roy de Castille* (A Ville Franche, 1696).

³⁸ *Нещастная флорентинка или Тайная повесть о заговоре фамилии Пацци против фамилии Медицис*. Переведенная с французского <Е.С. Харламовым> (Санктпетербург: <Тип. Сухопут. кадет. корпуса>, 1761).

³⁹ *Тщетная в любви происки Генриха IV короля кастильского*. Переведены с французского языка Н.П. (Санктпетербург: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе иждивением содержателя тип. Х.Ф. Клезна, 1780).

⁴⁰ *Греческие анекдоты, или Приключения Аридея, брата Александра Великого*. Переведенная с греческой рукописи на французской М.****; А ныне с французского на российской в Троицкой семинарии (Москва: Унив. тип., у А. Светушкина, 1789).

исторических сведений. Во Франции она была чрезвычайно интенсивной и служила естественным резервуаром данных для историков. Как показывает переписка Вольтера, у него не было отбоя от информантов (очевидцев, их потомков, родственников и свойственников). В итоге, по его собственному признанию, в первом издании *Века Людовика XIV* он немало погрешил против истины «по указаниям и умолчаниями»⁴¹. Штелин же в своем предисловии к *Originalanekdoten von Peter dem Grossen* описывает довольно узкий круг сановников, по-видимому, способный удерживать историческую память только в пределах одного поколения, просто в силу своей малочисленности и нестабильности. Много позже, уже во второй половине XIX столетия, М.А. Корф объяснял неразвитость мемуарного жанра в России отсутствием свободной циркуляции исторически важной информации:

У нас все – заповедная тайна, или кабинетная, или канцелярская, а сведения, разносящиеся в публике, даже высшей, поверхностны, неточны, недостоверны, основаны лишь на колеблемости слухов и рассказов, часто плод одного досужего воображения⁴².

В этой ситуации речь идет не о собирании остаточных сведений (вольтеровская модель анекдота), а о сохранении практически любых фактов – всего того, что осталось в памяти и, соответственно, ее достойно.

На смещение семантического поля “анекдота” в сторону “memorabilia” мог повлиять еще один фактор. Хотя, как мы видели, иноязычные термины “anecdotes / Anekdoten” по-русски часто передаются выражением “достопамятные сказания / деяния”, полной эквивалентности между ними нет. Так, в издаваемой П. Сумароковым *Библиотеке ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной в пользу и удовольствие всякого звания читателей* за 1793 год присутствует рубрика «Достопамятные деяния и сказания знаменитых людей новейшей истории». Однако материалы ее позаимствованы отнюдь не из сборника анекдотов, как этого можно было ожидать. Согласно разысканиям В.Д. Рака, в качестве источника здесь выступает *Dictionnaire portative des faits et dits mémorables de l'histoire moderne* (1769)⁴³, т.е. в данном случае “достопамятные деяния и сказания” являются прямой калькой французского выражения “faits et dits mémorables”. Последнее, безусловно, восходит к сочинению Валерия Максима *Девять книг примечательных поступков и изречений* (*Factorum et dictorum memorabilium libri novem*), неизменно сохранявшему популярность как в Средние века, так и в Новое время (и в 1772 году переведенному на русский язык под заглавием

⁴¹ Письмо от 12 апреля 1752 г. Ш.-М. де Ла Кондамину: «J'ai bien fait des péchés d'omission et de commission» (Voltaire. *Correspondance*, Т.III, р.673).

⁴² М.А. Корф, *Дневник. Год 1843-й* (Москва: Academia, 2004), стр.402.

⁴³ В.Д. Рак, *Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностраные источники, состав, техника компиляции* (С.-Петербург: Академический проект, 1998), стр.257.

*Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять*⁴⁴). Его модель – тематическая подборка разнородных исторических сведений («О религии», «О древних установлениях», «О супружеской любви»), извлеченных из письменных источников – получила слишком широкое распространение в европейской словесности, от средневековых флорилегий вплоть до *Опытов* Монтеня, чтобы пытаться здесь проследить ее генеалогию. Отметим лишь, что в XVIII веке она продолжала использоваться не только в сборниках вроде упомянутого *Подручного словаря памятных деяний и изречений нового времени* или *Галереи французской республики, или Собрания некоторых памятных деяний и изречений свободных французов* (1793)⁴⁵, но и в биографических эпитамах вроде *Духа Генриха IV* (1770) Луи Лорана Про.

Подчеркнуто “достопамятный” характер анекдота объясняет, почему Кошанский в *Частной риторике* группирует его вместе с некрологами:

Некролог, известие о кончине Героя, знаменитого Мужа. Он содержит в сокращении важнейшие случаи жизни, главные деяния характера, творения Ученого, произведения Художника, успехи Артиста, и пр.

Анекдот, что-то неизданное, оставленное Историю, забытое в жизнеописании, неизвестное в народе; но показывающее редкую черту характера, ума или сердца знаменитого человека⁴⁶.

Некролог как разновидность надгробной речи -- еще один рефлекс западноевропейской историографической традиции, где за описанием царствования монарха должно следовать похвальное слово или “портрет”. Показательно, что первый французский «писатель анекдотов», историк Антуан Варийас, возражал против такой очередности, считая более разумным представлять «характеры персон обоих полов, о чьих поступках мне придется подробно говорить, в момент их вступления в гражданский мир [le Monde Civil]»⁴⁷. А на освободившееся место он как раз был готов поставить анекдоты: по крайней мере, на это указывает его *История Людовика XI* (1689), заключительная (десятая) книга которой озаглавлена «История Людовика XI, или Анекдоты об этом государе». Эту же модель использовал в *Веке Людовика XIV* Вольтер, тем самым усилив топическую ассоциацию анекдота с похвальным словом. В результате отсутствие или малое количество анекдотов об историческом персонаже могло быть истолковано как скрытое осуждение или как недостаток истинного величия. Так, в 1816 году при очередном переиздании уже

⁴⁴ *Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять*. Переведены с латинского языка Иваном Алексеевым (В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1772).

⁴⁵ *Galerie de la république française, ou Collection de quelques faits et dits mémorables des Français libres, à l'usage de la jeunesse* (Strasbourg : Impr. de Heitz, 1793).

⁴⁶ *Частная риторика* Н. Кошанского (С.-Петербург: Импер. Акад наук, 1832), стр.64-65.

⁴⁷ *Histoire de Henri Second*. Par Monsieur Varillas. T.I (Amsterdam: Abraham Wolfgang, 1693). (Предупреждение, б/п).

упомянутого сборника Луи Лорана Про, Бретон де Ла Мартиньер увидел в малочисленности анекдотов о Наполеоне свидетельство его нелегитимности:

Должно быть и вправду мало можно назвать примечательных черт (traits remarquables) Бонапарта, если такое множество наемных историографов смогло записать лишь ничтожное количество подлинных или ложных анекдотов в своих газетах, канувших в забвение в момент появления и, подобно листам сивиллы, ставшими *ludibria ventis!* А добрые деяния и великодушные речи Генриха IV донесены до потомков не в официальных панегириках, но потому, что они высечены в памяти современников <...>⁴⁸.

В этом смысле замечание Вяземского по поводу «малой анекдотичности» отечественной истории указывает не только на наличие историографической проблемы («демократизация» истории Полевым и пр.), но и на потенциальную нехватку по настоящему крупных исторических фигур.

В заключение хочется отметить, что по мере усиления мемориальных коннотаций «анекдота», его культурная генеалогия принимает все более греческое (в противоположность французскому или немецкому) звучание. Разработанный в европейском литературном обиходе концепт переживает своеобразную «архаизацию», возвращается к античным корням, а затем повторно усваивается уже как часть национального, греко-византийско-русского наследия. Показательно, что *Новый словотолкователь* описывает «анекдот» как греческий термин, в то время как слово «история или гистория» обозначено как французское⁴⁹. И когда в 1796 году И.И. Голиков в 17-ом томе своих *Дополнений к Деяниям Петра Великого* определяет «анекдот», то он исходит исключительно из этимологии греческого слова:

Под названием *Анекдотов* разумеются такие повествования, которые в свете неизданы, и которые следовательно не многим только известны⁵⁰.

Дефиницию Голикова можно объяснить тем, что он, по собственным словам, человек, «кроме русской грамоты ничему не учившийся и ни мало не упражнявшийся в так называемых словесных науках»⁵¹. Характер его образования -- русского, купеческого, до некоторой степени духовного, -- вроде бы не оставляет сомнений в том, почему «анекдот» воспринимается им не столько как французский или немецкий, сколько как греческий термин. Однако склонность к архаизации заметна и в комедии *Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду* (1790) Я.Б. Княжнина, где «анекдот» появляется в реплике студента Синехдохоса, особо гордящимся знанием греческого языка: «Синехдоха также

⁴⁸ <L.L.Prault>. *L'Esprit d'Henri Quatre, ou anecdotes les plus interessantes, traits sublimes, réparties ingénues et quelques lettres de ce Prince*. Nouvelle Edition (Paris, 1816), p.xvii-xviii.

⁴⁹ *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...* Ч.1, стр.152, 855.

⁵⁰ И. Голиков. *Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого* (М., 1798) стр.3.

⁵¹ Предисловие к первому тому *Деяний*.

походит на слово анекдот, или достопамятное приключение, что все одно что история <...>»⁵². Более того, в 1832 году Н. Кошанский в своей *Частной риторике* прочерчивает историю этого термина от Византии к России, исключая европейский этап:

Анекдоты получили начало в средние веки при Дворе Византийском, и сперва составляли тайну Двора; потом сделались любопытным предметом разговоров; наконец слово Анекдот начали употреблять в нынешнем значении⁵³.

Таким образом, позиция Голикова отражает не столько его биографические обстоятельства, сколько общую тенденцию восприятия анекдота, которая затрагивает, прежде всего, сам термин. Зависимость от европейской историографической традиции, от более ранних прецедентов, важное место среди которых занимают штелинские *Подлинные анекдоты о Петре Великом*, маскируется неведением. Тем самым русский анекдот начинает выступать как фигура умолчания, почти идеально соответствующая ситуации национального беспамятства, на которую сетует Вяземский.

⁵² *Сочинения Княжнина* (С.-Петербург, 1848), Т. II, стр.368. Синехдохос — традиционная для европейского театра XV - XVII вв. маска педанта, речь которого построена на псевдонаучных разъяснениях, часто филологического характера («Синехдохос: Если бы я не греческим словом назывался, кто бы знал, что я ученый, и такой, который притом знает греческий язык как свой собственный». Там же, стр.367). Из этого может следовать, что «анекдот» еще воспринимается как ученое слово, нуждающееся в уточнении.

⁵³ *Частная риторика* Н. Кошанского, стр.65.